
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-29-39

EDN: PRASGG

ЭСКАЛАЦИОННЫЕ РИСКИ
МНОГОСФЕРНЫХ ОПЕРАЦИЙ

© 2023 г. К. В. Богданов

БОГДАНОВ Константин Вадимович, кандидат технических наук,
ORCID 0000-0002-5922-0791, cbogdanov@imemo.ru
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила 12.12.2022. После доработки 10.01.2023. Принята к печати 01.02.2023.

Аннотация. Продолжающееся развитие новых доктринальных концепций ведения боевых действий по-новому ставит вопрос о рисках эскалации, в том числе ядерных, и о поиске подходов к их снижению. В работе изучается развитие в США теории многосферных операций (*Multi-Domain Battles*) как отличный пример кардинального доктринального сдвига, существенно меняющего стратегический ландшафт. Исследованы сопровождающие внедрение этих доктринальных воззрений эскалационные риски, и на основе новых подходов к изучению эскалационной динамики сделаны выводы о возможных последствиях и путях их снижения.

Ключевые слова: интегрированное сдерживание, многосферные операции, стратегическая стабильность, эскалация, ядерно-конвенциональная интеграция, ядерный порог, ядерные риски.

THE ESCALATION RISKS OF MULTI-DOMAIN BATTLES

Konstantin V. BOGDANOV,
ORCID 0000-0002-5922-0791, cbogdanov@imemo.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Received 12.12.2022. Revised 10.01.2023. Accepted 01.02.2023.

Abstract. The outpacing development of doctrinal concepts of warfare at the present stage becomes an additional source of instability in the strategic landscape. Combined with the restructuring of the world order and the active introduction of emerging technologies, the development of new doctrines leads to increased escalation risks, including due to the poorly understood mutual influences of the operating factors in a complex environment. The Multi-Domain Battle theory is an excellent example of this impact. The article analyzes the main provisions of this theory in terms of potentially emerging escalation risks. The problem is considered in the light of recent proposals for new escalation models, including the principles of the “escalation vortex” and the “wormhole escalation”. The emerging risks of applying doctrinal principles that blur distinct thresholds in the escalation space, including the thresholds of clearly distinguishing between war and peace, are analyzed. It shows a direct link between the Multi-Domain Battle theory and the concept of “integrated deterrence”, realized in the same logic of graded escalation control. A number of new emerging nuclear risks have been demonstrated, including links to long-standing theories of limited nuclear warfare options, as well as the new concept of the 2010s, the so-called “conventional-nuclear integration”. Conclusions are drawn about the need to implement a structured sequence of practical steps aimed at limiting the escalation risks generated by this doctrinal concept. A possible connection of this sequence with the longer-term task of rebuilding and strengthening the arms control framework has been established.

Keywords: integrated deterrence, Multi-Domain Battles, strategic stability, escalation, conventional-nuclear integration, nuclear threshold, nuclear risks.

About author:

Konstantin V. BOGDANOV, Cand. Sci. (Tech.), Senior Researcher, Center for International Security.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы усилия американской военной мысли направлены на развитие и внедрение теории многосферных операций — новой доктрины, подразумевающей интеграцию всех военных и невоенных потенциалов в едином контуре управления, с градуированным при-

менением сил и средств как в мирное, так и военное время. Опубликованная осенью 2022 г. “Национальная стратегия обороны” США, выстроенная в идеологии “интегрированного сдерживания”, последовательно проводит этот принцип в жизнь. Являясь естественным результатом эволюции военной мысли в условиях

ускоряющегося военно-технического прогресса, идея многосферной операции, будучи последовательно примененной на практике, может вести к эскалации конфликта, в том числе непреднамеренной и скачкообразной. Цель работы — описать и проанализировать эскалационные риски многосферных операций.

ОБ ЭСКАЛАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Под эскалацией в теории международной безопасности принято понимать горизонтальное (пространственное, в том числе за счет слияния нескольких кризисов в единый) и/или вертикальное (по количеству и качеству вовлеченных потенциалов) расширение конфликта. Оно может быть как целенаправленным ходом одного из игроков, пытающегося выиграть позицию и темп, так и побочным стечением обстоятельств конфликта, не спрогнозированным заранее. Преднамеренную эскалацию Т. Шеллинг определял как “соревнование в принятии рисков, военно-дипломатическое маневрирование, включающее военные действия или же нет, но исход которого определяется скорее манипуляцией рисками, чем реальным состязанием в силах” [1, р. 166].

Базовая модель эскалации была дана в классической работе Г. Кана [2]. Получившаяся в результате “лестница эскалации” состояла из 44 ступеней — от нарастания международной напряженности до неуправляемой термоядерной войны на всеобщее уничтожение. Кризис в модели развивался линейно, перемещаясь между ступенями вперед или назад.

Важным элементом теории довольно рано стала концепция “барьера” (*firebreak*, дословно — “противопожарная полоса”), широко использовавшаяся Б. Броди¹, который определял ее как недвусмысленное “различие между [фактом] применения и неприменения ядерного оружия” [3, р. 62]. Кан использовал в своей “лестнице” сразу шесть порогов (*thresholds*), включая третьим по счету и “барьер” Броди. Подобная упрощенная, но интуитивно очевидная модель задавала универсальную метрику, зримо раз-

¹ Броди ввел ее в широкий оборот, но признавал, что впервые в приложении к теории ядерной эскалации термин был употреблен А. Энтховеном в 1963 г. В дальнейшем его использовал и Г. Кан.

делив пространство эскалации, и позволяла не задаваться вопросом о субъективных различиях в трактовках угроз и поведения игроков.

Методологическую ограниченность “лестницы” фиксировали еще в момент появления, делал это и сам Г. Кан. Она связана главным образом с акцентом на структурных (описательных) аспектах модели, а не на ее динамике. Чаще всего к недостаткам относили [4, pp. 4-7] произвольность выделения ступеней и симметрично-свободное перемещение между ними, низкое внимание к внутренней механике эскалации региональных конфликтов (у Кана они рассматриваются только как детонаторы эскалации глобального уровня), а также возможное несоответствие образов “лестницы” и последовательностей ступеней на ней у разных игроков. Кан не ставил задачу изучать различия в подходах, на что позже справедливо указал Дж. Снайдер, дополнивший ядерную стратегию понятием о стратегической культуре [5].

Эти недостатки отражали особенности стратегического ландшафта 1960–1980-х годов. Система с двумя доминирующими игроками, центрированная вокруг угрозы глобальной термоядерной войны, позволяла извлекать прикладную “добавленную стоимость” и из подобного упрощения. Окончание холодной войны подстегнуло два встречных процесса: глубокие сокращения ядерного оружия у США и СССР/России и горизонтальное его распространение в остальном мире. В сочетании с выросшими темпами военно-технического прогресса, появлением новых видов вооружений и сфер противоборства, развитием доктрин “подпороговых” действий и осознанием всей сложности взаимного влияния разнородных факторов, слагающих ландшафт, это проявило недостатки “лестницы” как прикладного аналитического инструмента.

В 2000-е годы по заказу Стратегического командования США была разработана модель “Концепций и анализа ядерной стратегии” (*Concepts & Analysis of Nuclear Strategy, CANS*), важной частью которой стала предложенная К. Йо “воронка проблемного поля” [ист. 1], позднее преобразованная в “эскалационную воронку” [6]. Модель Йо задавала новую динамику эскалации, отличную от линейно-однородной и обратимой “лестницы” Кана. Она напоминала движение тела по внутренней поверхности перевернутого конуса под действием группы разно-

направленных сил, постоянно меняющихся по модулю и представляющих усилия в различных доменах, из которых ядерным был лишь один².

В 2020 г. модель была достроена Р. Херсман [7], предложившей схему движения под воздействием группы сочетающихся факторов, основанную на принципе червоточины (*wormhole escalation*), с возможностью скачкообразной смены позиции без фиксации промежуточных ступеней (синергетический эффект “короткого замыкания”).

Сопоставив логику модели Йо, подразумевающей “доменный” подход к анализу пространства эскалации, с гипотезой Херсман о скачкообразном ее характере, рассмотрим современные доктринальные воззрения на ведение боевых действий.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: МНОГОСФЕРНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Развитие взглядов на характер ведения боевых действий после Второй мировой войны за пределами ядерной стратегии носило поэтапный характер, определяемый в первую очередь попытками обеспечить более тесное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил в рамках одной операции на ТВД. От концепции общевойскового боя, господствовавшей на полях Второй мировой войны и подразумевавшей в первую очередь взаимодействие родов сухопутных войск, пошло движение в сторону интеграции усилий видов вооруженных сил. К 1982 г. в США это выкристаллизовалось в доктрину “воздушно-наземной операции” (*AirLand Battle*), в основу которой было положено ведение боевых действий в Европе против СССР на так называемом расширенном поле боя (в первую очередь путем нанесения согласованных ударов в глубину театра, по второму эшелону сил противника) за счет превосходства во взаимодействии, средствах разведки и неядерном высокоточном оружии, а также более коротких циклов боевого управления [8]. К концу 1990-х годов ее сменила промежуточная концепция “операций полного спектра” (*Full-Spectrum Operations*). К 2010 г. в связи с изменившимися обстоятельствами (ростом военной мощи Китая) возникла еще одна интегрированная доктрина “воздушно-морской операции” (*AirSea Battle*), в дальнейшем пере-

² К остальным Йо отнес домен сил общего назначения, космос и киберпространство.

именованная в “Единую концепцию доступа и маневрирования в глобальном пространстве” (*Joint Concept for Access and Maneuver in the Global Commons, JAM-GC*), центрированная уже на театре Юго-Восточной Азии и противодействию китайским средствам *A2/AD* [9, 10].

Логикой этого движения было расширение набора сил и средств, объединяемых в оперативную концепцию. Результатом на данный момент является концепция многосферной (*Multi-Domain*, “многодоменной”) операции [ист. 2]. Постепенное объединение родов войск и видов вооруженных сил в единую операционную схему логически привело американских военных к интеграции уже не просто сил и средств на театре, а всех типов усилий в различных доменах. Помимо классической триады (наземные, морские и воздушные силы), к ним отнесены космическое пространство, киберпространство (иногда выделяется электромагнитный домен, связанный с работой радиоэлектронных средств и противодействием им), а также информационный, или когнитивный, домен. Последний включает весь спектр информационно-психологических операций, в том числе с использованием новых информационно-коммуникационных технологий.

В основе идеи многосферной операции лежит “конвергенция потенциалов”: объединение всех политических и военных, смертельных и несмертельных инструментов для действия во всем доступном пространстве. Отличие от широко внедрявшейся на предыдущих циклах “интеграции потенциалов” разработчики видели в организационной плоскости: создании постоянно действующих объединений, позволяющих использовать все доступные потенциалы как в мирное, так и в военное время [ист. 2, р. 3]. Доктрина касается не только ведения собственно боевых действий, но и операций ниже порога вооруженного конфликта, а также действий по его окончанию [ист. 2, р. 2]. Это укладывается в заявленную идею “подготовки окна преимущества” для вооруженных сил, которая должна вестись перманентно.

Многосферные операции положены в основу последней редакции оперативного раздела (раздел 3-0) Полевого устава Армии США, опубликованной в начале октября 2022 г. [ист. 3]. Можно с высокой долей вероятности предположить, что постепенно эта концепция прорастет через все руководящие документы и наставления во-

оруженных сил Соединенных Штатов. О том, что эта логика прочно заняла свое место в умах американского стратегического сообщества, свидетельствует и принцип “интегрированно-го сдерживания”, который команда президента Дж. Байдена (в особенности министр обороны Л. Остин) продвигает с начала 2021 г. [11], сделав его базовой логикой новой “Национальной стратегии обороны”, опубликованной в октябре 2022 г. и включающей как составные части новые “Обзор ядерной политики” и “Обзор в области ПРО” [ист. 4].

По сути, это доктрина градуированного применения сил и средств в континуальном пространстве конфронтации, не разделенном более четкими линиями на военную и невоенную области. Ключевым здесь становится принцип “кампаний”, подразумевающий группирование всех имеющихся потенциалов для решения поставленной задачи в зависимости от обстановки – своего рода расширение понятия об операции также и на невоенную часть “лестницы” эскалации.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: РИСКИ ЭСКАЛАЦИИ

Нас будут интересовать прежде всего возможные последствия применения многосферных доктринальных воззрений в кризисных ситуациях. Каким образом они могли бы повлиять на эскалацию? Какие выводы для контроля над вооружениями и мер по снижению стратегических рисков можно было бы сделать?

Огромную опасность в многосферных операциях в силу сложности ткани стратегического ландшафта представляют непреднамеренная и случайная эскалации. Фундаментальное исследование *RAND Corporation* определяло *непреднамеренную* эскалацию как ситуацию, когда “целенаправленные действия становятся непреднамеренно эскалирующими обычно из-за пересечения тех порогов интенсивности или масштаба конфликта (конфронтации), которые важны для противника, но оказались не существенны для предпринимающего эти действия или же попросту не были замечены им” [12, р. 23]. По сути, речь идет об еще одном варианте дилеммы безопасности, когда результаты собственных действий оказываются неспрогнозированными нежелательными. В отличие от этого, *случайная* эскалация действует точно так же, но

не вызвана напрямую сознательными действиями одного из игроков, а является непрямым следствием взаимодействия в цепочке намеренных действий и независимых событий внешней обстановки. К ней, в частности, относятся случаи технических отказов и сбояв (в том числе в информационных системах, что приводит к оценке обстановки на основании ложной информации или ее отсутствия), ошибок в нацеливании и несанкционированного применения оружия.

Выдающийся советский теоретик военного искусства Г. Иссерсон писал в 1940 г., стараясь угадать контуры надвигающейся войны: “Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами” [13, с. 30]. Начальник российского Генерального штаба В. Герасимов в 2013 г. творчески переосмыслил эту фразу: “В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному нам шаблону” [14].

Доктрины наподобие многосферной операции фактически отменяют саму логику четкого различения войны и мира, заменяя ее уровнем эскалации – непрерывно изменяющимся между нулем и максимумом и, как считается, управляемым в этом изменении. В определенной степени это ирония истории по отношению к К. Клаузевицу. То ли все происходящее вокруг становится войной, то ли политикой, но в любом случае продолжение одного из них “иными методами” уже невозможно: методы сконцентрированы и находятся под единым командованием. Мирного времени в такой доктрине как отдельного периода не предусмотрено; есть лишь низкоуровневая подготовка среды в интересах других, пока не задействованных сил и средств группировки, создание максимально выгодного контекста и среды проведения ее будущих операций.

Снятие четкого различия войны и мира приводит к парадоксу: прежде невоенная часть пространства эскалации заполняется куда большим объемом и разнообразием враждебных действий. Стимулы к подобному поведению прочитывались в модели эскалации уже при попытках ввести в ней четкие смысловые разграничения допустимого от недопустимого. Еще Б. Броди писал о неоднозначности самой идеи ядерного “барьера”, которую сам же и разрабатывал: «*Чем больше укрепляется доверие к барьеру, тем меньше каждая сторона сдерживается от все более и более*

широкого применения обычных потенциалов в пределах своих возможностей. Другими словами, эффект заключается в стимулировании эскалации на “конвенциональной” стороне барьера» [3, pp. 79-80].

Эта же логика, лежащая в основе “парадокса стабильности/нестабильности” [15], подталкивает стороны к переносу усилий в “подпороговые” области (каким бы порог ни назначался), размывая сам этот порог.

Интегрированный принцип ведения боевых действий создает опасность эскалации через мгновенное замыкание доменов. К примеру, космический домен и в определенной степени кибердомен не имеют регионального (локального) измерения, это глобальные среды действия. Применение потенциалов в этих средах в интересах развития локального конфликта может спровоцировать ответ в них же. Тем самым произойдет расширение сферы конфликта и его перевод на глобальный уровень, особенно с учетом того, что речь идет о противодействии технологически развитому противнику, который имеет возможность перевести противостояние на более высокую градацию эскалации. Причем в эту игру могут играть двое. Например, применение противоспутникового оружия против орбитальных аппаратов разведки, используемых в многосферной операции при локальном конфликте, может иметь вполне четкое военное и политическое обоснование (снижение потенциала противника по сбору информации и военно-политическое сигнализирование путем поднятия ставок). Однако по построению взаимодействия это будет перевод региональной войны в глобальную — с вытекающими последствиями в виде горизонтальной и вертикальной эскалации конфликта.

Отдельную проблему составляет все более широкое двойное применение новых технологий. Наиболее острым примером здесь будет использование коммерческих космических аппаратов в интересах разведки и связи во время военных действий — в форме покупки военными ведомствами услуг компаний-операторов. Сходные проблемы можно видеть и в области кибербезопасности. Недавние российские заявления о рисках такого использования “квазигражданской инфраструктуры”, которая “может оказаться законной целью для ответного удара” [ист. 5], призваны подчеркнуть недостаточность внимания, которое уделяется эскалационным рискам естественного развития технологий.

Широкий спектр доменов и их творческие комбинации в разных стадиях противостояния на фоне бурного роста новых военных технологий с неизбежностью будут порождать ощущения отставания от противника, как и в холодную войну, но уже гораздо чаще и разнообразнее. Присущая стратегическому сообществу тревожность, в зависимости от обстановки способная переходить и в военную панику, будет использоваться группами влияния для усиления институционального давления на лиц, принимающих решения, чтобы нарастить оборонные расходы и дать ход перспективным “программам противодействия”. Это ведет, с одной стороны, к обострению гонки вооружений и двойных технологий, в том числе в форме политической нерыночной конкуренции с использованием санкций и запретов на работу компаний из государств, являющихся стратегическими оппонентами. С другой стороны, *alter ego* ощущения отставания — это “окно возможностей” (*window of opportunity*): мнение о слабости противника, которой можно воспользоваться в течение ограниченного времени.

Особенно сильным это давление будет в кибердомене, поскольку наступательные кибервооружения имеют особое свойство: они сильно зависимы от эксплуатируемых ими уязвимостей информационных систем противника. Возможна ситуация, при которой наступательный киберпотенциал государства будет очень существенно варьироваться во времени в зависимости от достаточно простых (и не факт даже, что непосредственно связанных с ним) действий противника в части текущей модернизации собственной информационной инфраструктуры. Короткие “окна возможностей” кибердомена, ощущение скоротечности существования актуального кибероружия — дополнительный фактор, играющий на упреждающее его применение [16]. Тем более что кибероружие, наряду с методами и средствами информационно-психологической войны, — едва ли не основной тип потенциалов для многосферных операций, проводимых в условиях низкого уровня напряженности. А значит, даже на невысоком уровне противостояния кроются потенциальные “часовые бомбы” непреднамеренной или случайной эскалации, вызванные специфической версией хорошо знакомого со времен холодной войны соображения “применяй или потеряешь”.

Осложняются в многосферных операциях военно-политическое сигнализирование и во-

обще считывание смысла происходящего. Г. Кан высоко оценивал роль сигнализирования в процессе эскалации, видя в нем в первую очередь упражнение в динамических коммуникациях оппонентов, вплоть до “разыгрывания спектаклей” в процессе кризиса [2, р. 246]. Т. Шеллинг, вторя ему, определял торг в ходе эскалации как “коммуникацию действием, а не словом” [1, р. 137]. Стратегический ландшафт, в котором разворачиваются современные “спектакли” эскалации, существенно усложнился, не будучи и ранее простым. Усложнение объекта управления (конфликта в ландшафте) для сохранения устойчивости требует усложнения и субъекта управления: появления новых гуманитарных технологий, установления международных режимов и институтов безопасности. Однако последнего не наблюдается (чтобы не сказать – наблюдается обратное), что заставляет скептически относиться к перспективам управления эскалацией в условиях многосферной операции.

Отмеченные выше особенности ярко проявляются и в трансформации ядерной стратегии. Ядерный порог постепенно размывается, и он все меньше выглядит как “барьер” Броди, основная идея которого – четкость различения состояний “до” и “после”. Развиваются маломощные ядерные потенциалы, по существу, можно вести речь о появлении “высокоточного ядерного оружия”, каким бы оксюморонам это определение не смотрелось из предшествующего опыта. Высотное применение ядерного оружия как источника электромагнитного импульса для селективного поражения радиоэлектронного оборудования противника (с минимумом либо вовсе без прочих поражающих факторов) может в ряде случаев рассматриваться как последнее “подпороговое” предупреждение [12, р. 11; 17, pp. 35-36].

Доктрины ядерных операций развиваются в сторону все более выборочного, уже практически одиночного применения такого ядерного оружия в интересах “убедительности сдерживания” (*credibility of deterrence*). В данный момент в США идет перестройка воззрений на ведение боевых действий в виде так называемой ядерно-конвенциональной интеграции [18], подразумевающей управление операциями ядерных сил и сил общего назначения в едином контуре, в рамках одного оперативного замысла и включающей в себя подготовку вооруженных сил к действиям в условиях ограниченного применения ядерного оружия. Данному вопросу по-

священа немалая часть нового “Обзора ядерной политики” 2022 г., обосновывающего этот ход необходимостью противостоять вероятным противникам, которые исповедуют методы “ядерного принуждения”, подразумевающие манипулирование рисками ограниченного применения ядерного оружия на ТВД. Ядерно-конвенциональная интеграция автоматически становится, таким образом, частью предлагаемых решений “интегрированного сдерживания”, характер операций создает дополнительные червоточины.

Это приводит к трем важным последствиям. Во-первых, системы связи и боевого управления ядерными силами и силами общего назначения срачиваются, трансформируясь в разные информационные каналы одной и той же физической инфраструктуры. Возникающие при этом эскалационные риски подробно описаны Дж. Эктоном (см. [19] и ряд последующих работ) на основе модели “переплетения” (*entanglement*)³, предложенной чуть ранее им и российско-китайской группой исследователей в составе А. Арбатова, В. Дворкина, П. Топычканова, Ли Биня и Тун Чжао для исследования влияния неядерных факторов на стратегическую стабильность [20].

Важным элементом системы управления является и психология операторов: подготовка офицеров к ведению ядерно-конвенциональных боевых действий формирует восприятие пространства решений на войне в первую очередь через призму совместного применения потенциалов. Напомним, что опыт холодной войны эволюционировал к началу 1980-х годов к отказу от идеи неизбежности ядерного характера войны ОВД и НАТО, причем принятому обеими сторонами. Допуская все риски начала ядерной войны, стороны всерьез предполагали реалистичным затягивание боевых действий с опорой только на силы общего назначения.

Во-вторых, идее ядерно-конвенциональной интеграции отлично соответствует практика развертывания вооружений в двойном оснащении. Например, многолетняя дискуссия в США о ликвидации неядерных стратегических крылатых ракет пошла на новый виток в виде обсуждения создания неядерных вариантов для новой крылатой ракеты тяжелых бомбардиров-

³ В профильной российской литературе прижился этот термин, хотя Дж. Эктон, будучи физиком по образованию, явно подразумевал прямую аналогию с запутанностью (физическим явлением взаимозависимости квантовых состояний отдельных объектов).

щиков *LRSO*. Сами новые тяжелые бомбардировщики *B-21 Raider* сразу проектируются как платформы двойного назначения: для ядерного и высокоточного неядерного оружия большой дальности. В России эта практика традиционно носит давние и более глубокие корни, касаясь не только стратегических систем, но и оружия уровня ТВД, включая тактические ракеты малой дальности и боевые средства флота. Специалисты неоднократно указывали на эскалационные риски развертывания ударных вооружений в двойном оснащении, связанные с ошибками распознавания типа оружия при нанесении ударов противником и неверным прочтением цели таких ударов со стороны атакованного. Кроме того, подобные системы затрудняют кризисное сигнализирование путем своего демонстративного развертывания, создавая дополнительную неопределенность (это может быть частью игры на деэскалацию, а может и сломать ее, дав противоположный эффект).

В-третьих, подобная форма интеграции сил подразумевает дозированное по масштабу, пространственно ограниченное применение ядерного оружия, сфокусированное на четко определенных типах и наборах целей. Более применимое ядерное оружие требуется, чтобы оппонент не посчитал, будто противник не пойдет на его использование в конфликте малого масштаба, опасаясь избыточно сильного эффекта, побочных потерь и разрушений. Парадокс в том, что создание такого ядерного оружия, призванное укрепить сдерживание и разубедить желающих эскалации, понижает политико-психологический порог его применения, то есть действует и в обратную сторону.

В качестве эскалационных рисков следует рассматривать и феномен “действия/противодействия” в сочетании со складывающимся восприятием угрозы. Многосферные операции уже несколько лет находятся в фокусе внимания российских военных ученых, которые неоднократно высказывались о том, как, с их точки зрения, должен протекать вооруженный конфликт против оппонента, исповедующего подобные воззрения. В первую очередь этот доктринальный сдвиг рассматривается как прямое указание на подготовку вооруженных сил США к военному столкновению с примерно равным по стратегическим и технологическим возможностям противником, то есть Китаем, а также Россией.

Однако обращает на себя внимание смещение интереса на упреждающие удары в поисках средства противоборства. Так, в одной из работ мы читаем: “Если раньше воюющие стороны стремились упреждать противника как до, так и в ходе военных действий, то теперь основные усилия в этом деле целесообразно в большей степени переносить на начало (и даже до начала) вооруженной борьбы” [21, с. 33]. В качестве одного из способов срыва проведения активной военной фазы многосферной операции (из состояния, воспринимаемого как *неминуемость грядущего нападения противника*) предлагаются скоординированные упреждающие удары воздушно-космических сил [22].

Это отличная иллюстрация эскалационных рисков, которые несет с собой многосферная операция. “Зацепление” доктринальных концепций вероятных противников ведет к тому, что слабейшая сторона будет пытаться реализовать свои потенциалы заранее, с учетом восприятия того, что в процессе естественного развития конфликта все они или большая их часть могут быть потеряны из-за разоружающих действий противника. Мнение об упреждающем ударе как о естественной стратегии стороны, полагающей себя слабейшей в условиях подрыва базиса для ответных действий, высказывал целый ряд высококомпетентных действующих офицеров российского Генерального штаба, включая генерал-лейтенанта А. Стерлина [23]. Не так давно и президент В. Путин публично заметил, что “если уж и говорить об этом обезоруживающем ударе, то, может быть, подумать о том, чтобы взять на вооружение наработки наших американских партнеров и их идеи обеспечения своей безопасности” [ист. 6].

Начальник Генерального штаба В. Герасимов делает акцент в подготовке к противодействию многосферным операциям на сдерживании через разубеждение (*deterrence by denial*) путем комплексной системы мер подготовки к конфликту, причем начатой задолго до начала этого конфликта (здесь видно, как дилемма безопасности действует в ситуации отсутствия градаций войны и мира). Однако при этом В. Герасимов признает, что “[д]ействуя быстро, мы должны упреждать противника своими превентивными мерами, своевременно выявлять его уязвимые места и создавать угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба” [24].

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Стратегическая стабильность претерпевает уникальную комбинацию возмущающих воздействий по всем трем основным группам влияющих факторов: военно-политическим (трансформация миропорядка и блоковых структур), военнотехническим (новые технологии, воплощаемые “в металл” нового оружия) и военно-стратегическим (динамика балансов и доктринальные воззрения на ведение боевых действий). В этих условиях особенно важно понимать логику, по которой могут развиваться действия сторон в конфликте, а с учетом уже сказанного выше видно, что порог начала этого самого конфликта может быть существенно ниже традиционно понимаемого порога начала войны и вообще вооруженной борьбы.

Начать придется с внешне абстрактной философской проблемы, имеющей тем не менее точное прикладное измерение. Что есть война и что есть ассоциированные с ней военные действия в наше время, с учетом всего того, что мы увидели при анализе современных доктрин? Об одном можно говорить с определенной уверенностью: попытка вести дела как обычно по этим схемам с легкостью может привести к непреднамеренной или случайной эскалации. Здесь лежит крупная методологическая проблема, которую требуется устранить за счет международного взаимодействия. “Парадокс стабильности/нестабильности” на фоне норм ООН (по сути, воспретивших “классически” юридически оформленную войну как инструмент мировой политики) продолжает выталкивать ведущие державы в неопределенную область, которая совершенно точно ассоциируется с противостоянием и противоборством, но очень плохо связывается с устоявшимся пониманием войны и военных действий. Это усложняет понимание причинно-следственных связей в конфронтации: какие действия и насколько именно угрожают вертикальной и горизонтальной эскалацией к состоянию, которое уже совершенно точно будет войной? Не воспринимается ли эта угроза в ряде стратегий как благоприятное следствие, как повышение ставок через блеф? Нет ли среди низкоуровневых инструментов противоборства своего рода “катапулт”, которые активируют червоточины в пространстве эскалации, выбрасывая конфликт на принципиально новый и не прогнозируемый игроками уровень?

Размывание очевидных порогов повышает шансы ошибочного прочтения и неверного прогнозирования поведения оппонента, что ведет к стратегическим просчетам, способным вызвать непреднамеренную эскалацию. По-видимому, самая опасная ошибка в XXI в. — считать, что ты точно прав в своей оценке поведения противника на основании наблюдаемой картины. С другой стороны, нельзя не заметить и позитивные следствия: сложность ландшафта естественным образом вызывает сомнения в категоричных его интерпретациях, а сомнения сдерживают агрессивное поведение игроков, деэскалируют кризисы и заставляют изучать оппонента в промежутках между ними.

Поскольку различные действия могут и будут восприниматься разными игроками по-разному в силу различий в стратегических культурах, то важной задачей является взаимно-согласованная разметка стратегического ландшафта. Это в конечном счете ведет и к разметке пространства эскалации, к принятию более-менее единого понимания паттернов ее динамики. Отсюда как никогда высока роль диалога по доктринам и потенциалам, которые имеют стратегическое значение. Причем смысл этого диалога на данном этапе сугубо прикладной: сторонам вряд ли очень интересны единые политические платформы для движения в некоторое совместно понимаемое будущее — на фоне ренессанса ценностных расхождений в мировой политике. Однако для устранения угроз национальной безопасности сторонам жизненно необходимо понимать стратегический ландшафт, понимать своих потенциальных оппонентов и понимать, как одно влияет на другое, создавая наиболее острые риски. В соответствии с этим единым пониманием рисков возможно выстраивать приоритеты в действиях по их снижению или устранению, а также по предотвращению неверных интерпретаций.

Расстановка приоритетов в определении рисков способна послужить стартовой точкой нового цикла развития контроля над вооружениями. Так было минимум два раза во время холодной войны (в конце 1960-х и в начале 1980-х годов, что в итоге дало миру серии соглашений ОСВ и СНВ), но сегодня можно аккуратно предположить, что новый цикл будет более гибок с точки зрения используемых форм договоренностей и сфокусирован в первую очередь на снижении рисков и предотвращении непредна-

меренной эскалации из-за ошибок в интерпретации сложностей стратегического ландшафта. Но для этого результата сперва необходимо выработать единую картину приоритетов и общую идею следующего цикла. Односторонние отказы идти на такой диалог легко могут подтолкнуть противоположные стороны к целенаправленной эскалации для силового принуждения к переговорам на равных, а управляемость эскалации в современных условиях мы уже оценивали невысоко.

В силу этого, если рассматривать диалог по разметке ландшафта как стратегическую задачу глубиной в несколько лет, то следует указать и на комплементарную ему тактическую задачу. В условиях резко сжавшихся временных циклов развития кризисов и избытка информации (в том числе дезинформации) в социальных сетях сложность обстановки проявляется особенно выпукло. Столь скоростное развитие типовых конфликтных ситуаций требует особого внимания к кризисным коммуникациям с акцентом на мгновенный деконфликтинг. Потребуется не просто каналы связи между высокопоставленными военными, но и каналы для командующих на местах в зонах соприкосновения. Потребуется прозрачные схемы ограничения четко определенных дестабилизирующих типов военной активности, их размаха – вплоть до воздержания от некоторых действий. Очевидным кандидатом является, например, американская схема “динамического развертывания” (*Dynamic Force Employment*), воспринимаемая и в России, и в Китае как провокационная, особенно когда в ней задействуются носители ударных вооружений большой дальности, действующие возле границ потенциального противника. С западной стороны периодически выдвигаются претензии к размаху российских внезапных проверок боеготовности, процедурно

фрагментируемых на группы отдельных учений, проводимых параллельно.

Купирование рисков эскалации таким путем можно рассматривать как драйвер восстановления системы контроля над вооружениями по схеме “от простого и неотложного – к более сложному”, который был бы полезен при обеспечении стабильности и управляемости нормализованной конфронтации в процессе развития диалога о доктринах и потенциалах.

Резко возрастают требования к минимальному набору компетенций для переговорных команд. Всегда можно свести за одним столом узких специалистов и получить сколь угодно глубокий доступный уровень военной и технической экспертизы. Но управление ходом переговоров остается за профессиональными дипломатами. Именно их образование в области технологий должно стать предметом заботы государства. Проблему можно решить за счет более широкого привлечения практиков технологического бизнеса и специалистов академической науки.

Архитектура контроля над вооружениями, способная устойчиво сглаживать возникающие эскалационные риски, с очевидностью не будет похожа на привычные “крупные формы”, преимущественным образом исполненные в виде больших юридически обязывающих соглашений. Предстоит разработать и адаптировать к практическому использованию более гибкий, гибридный подход, подразумевающий взаимоувязанные по смыслу сочетания различных инструментов (от односторонних инициатив и многосторонних диалоговых площадок до классических жестких соглашений с ратификацией), в том числе реализуемые с разным темпом в рамках одного-единственного проблемного поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Schelling T. *Arms and Influence*. New Haven, CT, Yale University Press, 2008. 312 p.
2. Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York, NY, Frederick Praeger, 1965. 308 p.
3. Brodie B. *Escalation and the Nuclear Option*. Santa-Monica, CA, RAND Corporation, 1965. 88 p.
4. Davis P., Stan P. *Concepts and Models of Escalation*. Santa-Monica, CA, RAND Corporation, 1984. 92 p.
5. Snyder J. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operation*. Santa Monica, CA, RAND Corporation, 1977. 48 p.
6. Yeaw C. *21st Century Air Force Nuclear Deterrence and Escalation*. Presentation at Cross-Domain Deterrence Seminar, Center for Global Security Research, Lawrence Livermore National Laboratory, 18–19.11.2014. Available at: <https://webarchive.loc.gov/all/20200426144033/https://www.slideshare.net/LivermoreLab/yeaw-llnl-multi-domain-deterrence-yeaw> (accessed 11.12.2022).
7. Hersman R. Wormhole Escalation in the New Nuclear Age. *Texas National Security Review*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 90-109. DOI: 10.26153/tsw/10220

8. Lock-Pullan R. How to Rethink War: Conceptual Innovation and AirLand Battle Doctrine. *Journal of Strategic Studies*, 2005, vol. 28, no. 4, pp. 679-702. DOI: 10.1080/01402390500301087
9. Богданов К., Евтодьева М. США–КНР: механизмы и динамика гонки вооружений. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 6, сс. 42-50.
Bogdanov K., Yevtodyeva M. U.S.–China: Mechanisms and Dynamics of Arms Race. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 6, pp. 42-50. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-42-50>
10. Евтодьева М. Развитие китайской системы A2/AD в контексте отношений США и КНР. *Общественные науки и современность*, 2022, № 4, сс. 77-92.
Yevtodyeva M. Development of the Chinese A2/AD System in the Context of US–China Relations. *Social Sciences and Contemporaneity*, 2022, no. 4, pp. 77-92. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0869049922040062
11. Todd Lopez C. *Defense Secretary Says ‘Integrated Deterrence’ Is Cornerstone of U.S. Defense*. U.S. Department of Defense, 30.04.2021. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2592149/defense-secretary-says-integrated-deterrence-is-cornerstone-of-us-defense/> (accessed 11.12.2022).
12. Morgan F., et. al. *Dangerous Thresholds. Managing Escalation in 21st Century*. Santa-Monica, CA, RAND Corporation, 2008. 245 p.
13. Иссерсон Г. *Новые формы борьбы. (Опыт исследования современных войн.)* Москва, Воениз, 1940. 76 с.
Isserson G. *The New Forms of Struggle. (The Lessons Learned from Modern Warfare.)* Moscow, Voengiz, 1940. 76 p. (In Russ.)
14. Герасимов В. Ценность науки – в предвидении. *Военно-промышленный курьер*, 27.02.2013, № 8 (476).
Gerasimov V. The Value of Science is in Foresight. *Voенно-promyshlennyy kur'er*, 27.02.2013, no. 8 (476). (In Russ.) Available at: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (accessed 11.12.2022).
15. Snyder G. The Balance of Power and the Balance of Terror. Seabury P., ed. *The Balance of Power*. San Francisco, CA, Chandler, 1965, pp. 184-201.
16. Smeets M. A Matter of Time: On the Transitory Nature of Cyberweapons. *Journal of Strategic Studies*, 2018, vol. 41, no. 1-2, pp. 6-32. DOI: 10.1080/01402390.2017.1288107
17. Tertrais B. *French Nuclear Deterrence Policy, Forces, and Future: A Handbook, Recherches & Documents*. 2020, no. 4. Paris, Fondation pour la Recherche Stratégique. 73 p.
18. Manzo V., Miles A. The Logic of Integrating Conventional and Nuclear Planning. *Arms Control Today*, 2016, vol. 46, no. 9, pp. 8-14. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2016-10/features/logic-integrating-conventional-nuclear-planning> (accessed 11.12.2022).
19. Acton J. Escalation Through Entanglement: How the Vulnerability of Command-and-Control Systems Raises the Risks of an Inadvertent Nuclear War. *International Security*, 2018, vol. 43, no. 1, pp. 56-99. DOI: 10.1162/isec_a_00320
20. Acton J., et al. *Entanglement: Russian and Chinese Perspectives on Non-nuclear Weapons and Nuclear Risks*. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace, 2017. 86 p.
21. Круглов В., Шубин А. О возрастающем значении упреждения противника в действиях. *Военная мысль*, 2021, № 12, сс. 27-34.
Kruglov V., Shubin A. On the Increasing Importance of Preempting the Adversary in Hostilities. *Voennaya mysl'*, 2021, no. 12, pp. 27-34. (In Russ.) Available at: <https://vm.ric.mil.ru/upload/site178/yQH4EuoqhP.pdf> (accessed 11.12.2022).
22. Стучинский В., Корольков М. Пути противодействия реализации концепции США и НАТО “многодоменная битва”. *Военная мысль*, 2021, № 7, сс. 41-49.
Stuchinsky V., Korolkov M. The Ways to Counter the U.S. and NATO ‘Multi-Domain Battle’ Concept. *Voennaya mysl'*, 2021, no. 7, pp. 41-49. (In Russ.) Available at: <https://vm.ric.mil.ru/upload/site178/pdj6wywh3M.pdf> (accessed 11.12.2022).
23. Стерлин А., Протасов А., Крейдин С. Современные трансформации концепций и силовых инструментов стратегического сдерживания. *Военная мысль*, 2019, № 8, сс. 7-12.
Sterlin A., Protasov A., Kreydin S. The Modern Transformations of Strategic Deterrence Concepts and Tools of Force. *Voennaya mysl'*, 2019, no. 8, pp. 7-12. (In Russ.) Available at: <https://vm.ric.mil.ru/Stat/item/203864/?ysclid=ldlh0h0v25468223136> (accessed 11.12.2022).
24. Герасимов В. Векторы развития военной стратегии. *Красная звезда*, 04.03.2019.
Gerasimov V. The Development Vectors of Military Strategy. *Krasnaya zvezda*, 04.03.2019. (In Russ.) Available at: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/> (accessed 11.12.2022).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / *SOURCES*

1. *Concepts & Analysis of Nuclear Strategy (CANS – Theory Team) Framework Report*. 13–14.09.2011. Available at: <https://nsiteam.com/concepts-analysis-of-nuclear-strategy-theory/> (accessed 11.12.2022).
2. *Multi-Domain Battle: Evolution of Combined Arms for the 21st Century, 2025–2040*. Fort Eustis, VA. U.S. Army TRADOC, 2017. 78 p. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17745-united-states-army-multi-domain-battle-evolution> (accessed 11.12.2022).
3. *FM 3-0. Operations*. Washington, DC. U.S. Department of Defense, Department of Army, 2022. 280 p. Available at: <https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-0.pdf> (accessed 11.12.2022).
4. *2022 National Defense Strategy*. Washington, DC. U.S. Department of Defense, 2022. 80 p. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed 11.12.2022).
5. *Выступление главы делегации Российской Федерации К.В. Воронцова на второй сессии Рабочей группы открытого состава, учрежденной резолюцией ГА ООН 76/231*. Управление ООН по вопросам разоружения (UNODA), 12.09.2022.
Speech by the Head of the delegation of the Russian Federation K.V. Vorontsov at the second session of the Open-ended Working Group established by UNGA resolution 76/231. UN Office for Disarmament Affairs (UNODA), 12.09.2022. (In Russ.) Available at: <https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/09/Statement-by-the-Russian-Federation.pdf> (accessed 11.12.2022).
6. *Пресс-конференция по итогам визита в Киргизию*. Официальный сайт Президента России, 09.12.2022.
Press conference on the results of the visit to Kyrgyzstan. Official website of the President of Russia, 09.12.2022. (In Russ.) Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70061> (accessed 11.12.2022).